

Дмитрий Ланев

Осень и весна

Миниатюры
и стихотворения

Дмитрий Ланев

Осень и весна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17853686

ISBN 9785447463977

Аннотация

В этой книге представлены лирические миниатюры и стихотворения с 90-х годов прошлого века до настоящего времени. Автор надеется, что выраженные им чувства и мысли найдут сопереживающего читателя.

Содержание

Лучшие времена	5
Первые прозаические стансы	5
Как проходит жизнь	7
Никуда не улетаю	9
В крепости	10
Плюс и минус	11
О холостяках	12
Нечто об умножении и городах	13
Гроза	14
Об искусстве как о женщине	15
Забор как явление нравственное	16
Продолжение холостяков	17
Нева	18
Третьи прозаические стансы	19
Дети	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Осень и весна
Миниатюры
и стихотворения
Дмитрий Ланев

© Дмитрий Ланев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лучшие времена

Первые прозаические стансы

Дорожные машины всегда чуточку неприличны, как разобранная кровать. Зачем так остервенело вгрызаться в асфальт? Откуда это упоение работой? Ведь бросили-то асфальт кое-как, не любовно и не бережно. Впрочем, какое дело машине до того, как и кто пахал до нее. Но тем не менее удалось подглядеть кусочек истины: переделывая что-то, люди проявляют гораздо больше энтузиазма, чем творя новое.

Огромное удовольствие доставляет счет. Особенно вычитание. Вычитать из дохода расход и видеть, что капелька еще остается. Остается на черный день, но лучше – для подрастающего поколения. Бывают переходящие капельки.

Ну что ж. О детях, так о детях. Им всегда завидуешь. Если кое-что уже понял. Как начал завидовать – значит, стал умным. Перестал – еще умнее.

Пошел дождь. Пойди и ляг на кровать. Сойди с ума от погоды. Ей все равно. Ты, конечно, не обижайся, но ей действительно все равно. Ей даже не может быть не все равно. Можешь ее пожалеть. И не сходить с ума.

Может, в этом и есть какой-то резон. Написал фразу, еще не зная, что последует далее. Но впрочем, научись произ-

носить ее так, как англичане и больше, наверное, американцы, произносят свое «well». Причем, ошибочно думать, что смысл предложения здесь в слове «резон». Отнюдь. Самое существенное в этой фразе – неясность слова «какой-нибудь». Народы, наверное, переворачиваются с бока на бок тогда, когда прерывают свой зевок, захлопывают пасть и вместо протяжного «какой-нибудь» получается рывканье – «какой?».

Как проходит жизнь

Жаркая ленинградская суббота. Июль. Душно.

Город еще не остановился после рабочей недели, но блеск в глазах другой – покупательский.

Иду по Невскому. Сдуваю, вытянув нижнюю губу, мокрые от пота волосы с глаз и смотрю на направленное движение людей и машин. Ток жизни. Поток информации. Потоп.

Дети ловят рыбок в Фонтанке. Город ловит детей. Рыбки умирают быстро в полиэтиленовых, стеклянно блестящих на солнце пакетах или на асфальте под колесами. А дети... Только пять процентов детей рождалось совершенно здоровыми в ту пору в Ленинграде – городе белых, как прах цивилизации, ночей.

Думаю о высоком. О жизни.

На углу Невского и Литейного в глаза красный свет. Стою. И тут же, рядом, но сзади, мягко притормозил серебристый, слишком вытянутый для отечественного микроавтобус. Обернулся и смотрю полминуты. Борта ровные, окна только в кабине. Из-за хрустально чистого лобового стекла виднеются физиономии двух сияющих не нашим сервисом парней. Что-то весело жуют и запивают это что-то кока-колой. Тот, у которого левая рука лежит на руле, в правой держит огромную двухлитровую бутылку. Из-за повернутых ветровых стекол дунуло музыкой. Пешеходы на Нев-

ском на мгновение превратились в участников клипа Майкла Джексона.

Зеленый. Пошли! Микроавтобус плавно тронулся и проплыл мимо. Нарру end – прочитал я большие синие буквы по диагонали борта.

Трогаю за рукав прохожего и киваю головой вслед удаляющемуся серебристому чуду.

– А, это? – говорит прохожий, – новая похоронная служба. Совместное предприятие.

Отпускаю прохожего и иду дальше.

Думаю о серьезном. О смерти.

Никуда не улетаю

А я никуда не улетаю. Иду медленно по Лиговке-Лиговке. Я – белый человек в черном от весны городе. Я – призрак. И я никуда не улетаю. Хотя... вот... красно-желто-синий человек (рубашка!) выскочил из дверей. А над створками надпись: касса аэрофлота. Заманчиво. Бог с тобой, ты – призрак. Ты призрак и, значит, бог без тебя. Хотя ты с богом. Но бог, оказалось, с теми, кто улетаёт. Не с тобой. Не со мной.

Разноцветный человек повернулся и рванулся обратно в двери. Я видел это боковым зрением. Я не остановился. Я просто иду медленно по Лиговке-Лиговке. И я никуда не улетаю.

В крепости

С толпой праздных туристов по деревянному мосту прохожу в Петропавловскую крепость. Я не турист. Я местный. Мною движет не праздность и не любопытство. Стремление к первоосновам своего поселения – не от хорошей, не от сладкой жизни. Прохожу в ворота в стене под пережившим все исторические катаклизмы и победившим Тление и Время, Время и Тление двуглавым хищником. Переживающим и побеждающим. Инстинктивно бросаю настороженный взгляд наверх, непроизвольно воспринимая изваяние как настоящую живую птицу.

Впереди, в конце темного тоннеля – яркое солнце, милые люди, схема крепости.

Трудно назвать милым человека, останавливающегося в тоннеле и протягивающего руку к ничем не приметной стене.

Я думаю, что человек, делающий шаг вперед, но попадающий все дальше в прошлое, будет жить после смерти.

Плюс и минус

Апрельские стансы

– Что вы слушаете?

– Европу плюс.

– А ведь действительно плюс семнадцать. Чертовски жарко для апреля. Но какие счастливые люди! Особенно эти семнадцатилетние возле метро, где играет оркестр.

– Там так много мини. Мини-мальные преграды к общению. Мини-мум смысла в словах. Мини-юбочки над коленками.

– Макси-мальные чувства. Макси-мальные возможности...

– А что вы делаете на этой набережной?

– Да я бывал здесь с любимой девушкой. Тянет, понимаете ли.

– Да, понимаю. Преступников, говорят, тоже тянет на место преступления.

Убийственно жаркое воскресенье. Первое такое жаркое после зимы.

О холостяках

Холостяки – самые больше мечтатели на Земле. Правда, на их мечтах, как и на мебели, лежит пыль. Но это не просто пыль. Это – признак совершенства. Признак выдержанности. Признак высоких вкусовых качеств, как сказали бы мы о вине. Поэтому любовь холостяков нежна. Холостяки любят очень нежно.

Они бывают старые и молодые. У старых чувства подернулись ряской и кое-где пробивается тина скептицизма. С нежностью, как и с водой, происходят неприятные вещи, если она не течет.

Молодым же до воды далеко. Они иногда поглядывают на склонное к помрачению небо, откуда падают редкие крупные капли. Но эти капли падают, исчезая бесследно, в горячий песок под ногами, в исключительно немногих случаях проскальзывая перед этим по лицу. И только на губах остается соленый и горький привкус.

Возраст здесь не причем.

Нечто об умножении и городах

Есть у нас кое-что, что никогда и никем, кроме совсем уж не думающих, а если думающих, то никак не в тот момент, не складывается. А существует или раздельно, или перемножается в силу обстоятельств. Таковы, например, масса и скорость.

Таковы же видимо, любовь и время.

Кассандра, когда говорит городу о его гибели, плачет. Таким образом, город, в данном случае Троя, становится символом умножения любви на время. С правой стороны равенства стоит плач, потому что время, отпущенное еще городу, все время уменьшается, стремится к нулю. А предел такой величины – тоже ноль, полное опустошение, может быть и плач.

Будучи отмеченной на карте в виде точки, Троя удивительно напоминает принятый в математике знак арифметического умножения.

Я же, возвращаясь из бесконечности, оказываюсь вынужденным оправдаться в своей любви к столь отвлеченным аллегориям и поделить свое произведение на всех слушателей. Тогда меня никто не осудит и все поймут.

Гроза

Парень в красном свитере присел на корточки перед городом. Город теплый, а парень мерз – октябрь как-никак. Протянул руки, распростер их над городом. Замерцали перстни на невидимых пальцах. Люди подняли головы, и я тоже. Выдохнули: «Закат-то какой! Быть грозе».

«Быть грозе... Быть грозе... Быть грозе...» – понеслись по асфальту желтые листья. Как котята, слепые котята тыкались в столбики ограждений, в ноги идущих вдоль них.

«Быть грозе», – лениво, толчками, как пульс, как мелеющая речка жерновами, ворочали языком улицы. Город постепенно остывал, а парень согревался. Тем более – бессонница. Он услышал что-то за спиной, обернулся. Шумел прибой, звал. Парень встал и пошел, утягивая за собой тучи.

Фонари вспыхнули и залили пространство жидким светом. Пространство стало видимым. Это ночь родила его.

Проспекты залихорадило, на мгновение людей стало больше. Они двигались и быстро исчезали. Вот и последние наши друг друга и ушли попарно.

Грозы так и не было.

Об искусстве как о женщине

Искусство не выносит, когда мы касаемся его своими временными руками, разламываем, будто яблоко, и плюемся косточками. Оно не выносит нас, потому что оно – Вечно. Единственно, что дозволяется людям – творить его. А потом созерцать. В этом оно похоже на женщину, и вот вам разница между женщиной и проституткой.

Вряд ли можно творить бесконечно.

Что же касается штампа в искусстве и, в частности, в литературе, то у него есть некоторое обыденное, но действительное содержание, некоторое свойство соотношения с жизнью и остальным искусством, которое способно показаться изюминкой для эстета. Штамп может восприниматься как во время сказанная грубость, возвращающая читателя на грешную Землю, что иногда бывает полезно.

А вообще, оправдывать можно все. И вот вам общее в литературном штампе и проститутке.

Забор как явление нравственное

В свое время думали, долго думали о Времени Машин. Дошли до того, что придумали Машину Времени. Теперь думаем о Времени Машин Времени. А дальше?

А вы когда-нибудь думали о заборах? Один хозяин поставил великолепный – из плотно пригнанных длинных (или высоких?) досок забор и был доволен. А вот мой приятель Аристократ тоже любил заборы. Точнее – живые изгороди. Попробуй, доберись до лужайки с яблонями и гамаком сквозь двухметровые заросли малины, роз и крыжовника! Приятель говорил, что изгородь должна быть естественной. Она даже может вызывать восхищение. Как улыбка. Вы не умеете отгораживаться улыбкой. Обольстительной? Или как?

А вы не думали, что в то время, когда некоторые думали о Времени Машин и даже до того, кое-кто улыбался так же, как мадмуазель N за сегодняшним вечерним чаем? Возьмите плакат с Бельмондо, мадмуазель! Вам не хочется плакать?

Продолжение холостяков

То обстоятельство, что женщины все нет и нет, приводит холостяка к необходимости найти женщину в себе. Готовить себе пищу, покупать кефир. Желание и мечта заботиться о слабом и защищать его тоже не пропадет. Есть отличное средство для тренировки мужественности – фантазия. Холостяк постигает женщину излишне глубоко.

Как известно, два ростка из одного семечка растут хилыми и умирают незаметно. Поэтому и гадать нечего. Если вы видите настоящего холостяка (а я только о них, настоящих, и говорю) – то это наверняка жалкий человек.

Нева

Нева еще не замерзла. Как все глубокое, она кажется черной, хотя каждая по отдельности капля ее прозрачна. Конечно, если не считать некоторых мелочей, которые человечество выбрасывает за борт. Все погубят мелочи. Мы задыхаемся в мелочах. Это уже не мелочи.

В непостоянном зеркале Невы отражается все, что можешь увидеть. Или хочешь. Все, что происходит на берегах. И даже достаточно далеко, так все одинаково.

Турист-иностранец – нажива. Турист-иностранец – спаситель. Всего четыре иностранных слова:

Friend!

Present?

Рэкет

Russian

превращают Неву в поистине большую дорогу.

Третьи прозаические стансы

Платят за бред. Находятся совсем голодные – сходят с ума. Некоторые не только сходят, но и идут. И находят, что за то, что в конце – опять не платят.

Как скучно! Как далеко ехать!

Некто был до крайней степени влюблен в женщину. Он так смотрел на нее, что в конце-концов стал замечать ее в любом зеркале. И он целовал эти зеркала. Интересно, был ли он похож на нее?

А другому стало скучно с девушкой. И он вошел в витрину магазина и стал манекеном. И стоит. Только пальто на нем меняют.

Наверное, девушка ни при чем? Ему было просто скучно?

Да, а сейчас мода на высокие стоячие воротники. Закрывают пол-лица.

Бред. Пойдем, закажем шашлык по-карски.

Жизнь полна глупостей. Ничего удивительного, если их совершает кто-то из ваших знакомых.

Дети

Снова иду по городу. Совсем хорошо дышать весной, когда уже сухо.

Прохожу парком. Ах, дети! Дети! Сколько же вас тут, ярких, свежих? Толкаетесь в колени, как грибы. Или как гномики. Ну-ка, бегите все за мячиком-глобусом. Играйте, смейтесь.

Удивительное дело – через полсотни лет кто-то из них (может быть) будет удерживать на пальчике всю крутящуюся Землю. А другие будут тянуть руки: «Дай! Дай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.